

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЖУЛИО.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Н. Хвощинской.

—
I.

Сельскій домикъ на скатѣ холма, окруженный деревьями. Вечерь.

КОРНЕЛИЯ и ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА.

Закатъ темнѣеть. Матушка, смотри,
Какія сизыя клубятся тучи;
Гроза къ полночи будетъ. А теперь,
Какъ тихо все, какъ чудно воздухъ дышетъ
Прохладой чистой! Посмотри, цвѣты
Попыкнули головкой, засыпаютъ;
Роса дрожитъ на листьяхъ, а въ ней
Дрожатъ послѣдніе лучи заката...
О чудный вечеръ, чудный міръ! Господь
Его создалъ на радость!

КОРНЕЛИЯ.

Посмотри,

Нейдетъ - ли Джуліо?

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, не видать. Опять

Овъ гдѣ вибудъ надъ моремъ замечтался.

Сегодня я прошу ему, — мы вмѣстѣ

Въ одинъ и тотъ-же часъ мечтаемъ; онъ

Тамъ, на утесъ, вадъ шумящей бездной,

Я здѣсь, надъ вѣжными цвѣтамъ... Боже!

Когда-бъ вся жпзнь могла пройти такъ тихо,

Такъ безмятежно, какъ весенній вечеръ....

КОРНЕЛІА.

Скажи — безгрѣшно.

ТЕРЕЗА.

У меня одинъ

Есть грѣхъ: я Джуліо люблю безъ мѣры

И иногда ропщу, что онъ меня

Не столько любитъ, сколько-бъ мнѣ хотѣлось....

Пусть Богъ ему проститъ, — несчастный правъ!...

О матушка, скажи, чего онъ хочетъ?

День цѣлый за работою, трудится,

И недоволенъ всякій день трудомъ,

А вечеромъ уйдетъ, придетъ нечалеиъ

И ночь проплачетъ до утра, подъ сводомъ

Вѣтвей зеленыхъ.... Ну, чего онъ хочетъ?

КОРНЕЛІА.

Вотъ онъ, спроси его.

ТЕРЕЗА.

Какъ это можно!

Онъ огорчиться, оскорбиться можетъ

Моиъ вопросомъ....

(Джуліо входитъ.)

Добрый вечеръ, Джуліо!

Джуліо.

Здорова ль, матушка?

КОРНЕЛІА.

Здорова. Гдѣ ты былъ?

Джуліо.

Все тамъ-же, тамъ, далеко, надъ обрывомъ,

Внизу котораго, ты знаешь, пропасть;

Тамъ видъ такой чудесный.

КОРНЕЛІА.

Боже мой!

И ты надъ пропастью провелъ часъ цѣлый?
 Что если бы вдругъ закружилась голова,
 Одна мнвута....

Джуліо.

Что-жь? Божья воля.

Вѣдь я не первый - бы погибъ. Иль чудо
 Погибель чловѣка?... Сколько мы
 День каждый мнлаго теряемъ, въ пропасть
 Предъ нашими глазами сколько жертвъ
 Валятся, — мы не плачемъ....

КОРНЕЛІЯ.

Въ пропасть, сынъ мой!

Въ какую пропасть?

Джуліо.

Въ вѣчвость. Сколько насъ

Въ ней исчезаетъ каждый день, и всѣ
 Забыты....

ТЕРЕЗА.

Ты сегодня скучень, Джуліо,

На мой привѣтъ мпѣ не сказалъ ни слова;
 Но такъ и быть, ты жалокъ, — не плачу
 Тебѣ я зломъ за зло. Присядь со мною
 Сюда, намъ матушка расскажетъ, — помнишь
 Она хотѣла, — чудную историю;
 Она тебя развеселить. Скажи,
 Ты помнишь, начала....

КОРНЕЛІЯ.

Какую?

ТЕРЕЗА.

Помнишь,

Разъ Джуліо былъ въ мастерской своей,
 Писалъ онъ что-то, — что-то у него
 Не ладилось; онъ по своей прекрасной
 Привычкѣ, кисть схватилъ и все замазалъ,
 Надъ чѣмъ трудился цѣлый день, потомъ
 Сердился долго, плакалъ, что Мадонна,
 Которую хотѣлъ онъ написать
 Не отдѣлялась отъ холста, а ты
 Сказала....

КОРНЕЛІЯ.

Что ты, сынъ мой?

Джулио.

Ничего.

Тереза.

А ты сказала: «Другъ, не увывай,
« Терпѣніе и мужество, а больше
« Молитва, и Господь поможетъ». Послѣ
Хотѣла ты намъ сказку рассказать,
О томъ, какъ разъ.... Не хочешь слушать?

Корнелія.

Полно,

Что мучить человѣка? Видишь, ты
Въ немъ прежнюю заботу разбудила....
Поди ко мнѣ, мой Джулио! Пусть ласка
Моя тебя развеселитъ; кто лучше
Утѣшить можетъ, какъ не мать? Скажи,
Сегодня что тебя тревожитъ? Ты
Опять задумалъ трудную работу,
А силъ не приготовилъ къ ней, опять
Недостижимаго достигнуть хочешь?

Джулио.

О матушка! сама ты говоришь:
Терпѣніе и мужество....

Корнелія.

А дальше?

Джулио.

Вотъ мука вѣчная! Пойми меня, —
Я мучусь, я тружусь, поденщикъ столько
Не трудится. Прикованный къ одной
Своей завѣтной мысли, будто къ цѣпи,
Я отъ нея на шагъ не отхожу;
Цѣпь въ землю заколочена, на небо
Стремлюся я.... Не дивная-ль мечта,
Высокая, прекрасная! Зачѣмъ же
Не сбывается ей? Зачѣмъ, зачѣмъ? Она
Такъ чудно, упоительно прекрасна!
Творцемъ быть въ мірѣ вѣчнаго Творца,
Возсоздавать его творенье, видѣть
Небесное, сходящее на землю.... Боже!
Жить въ памяти людей и въ ихъ молебъ,
При жизни первымъ быть, а изъ могилы
Лить свѣтъ величія.... Мечта моя,

Должна ты сбиться, сбудешься!

КОРВЕЛІА.

Мой сынъ,

Ты обмануль меня,— твоё безумье
 Ещё взросло и привнесло плоды,—
 Плоды грѣха: ты хочешь славы. Слава!
 О суета, о гибель! Сколько душъ
 Погублено мечтательнымъ стремленьемъ,
 Желаніемъ безумнымъ возвышенья!...
 И ты себя погубишь, Джуліо, ты
 Уже опутанъ страшной этой сѣтью
 И вырваться не хочешь. Ты для славы
 Ужь забываешь долгъ свой, долгъ священный:
 Долгъ сына, мужа. Посмотри, она,
 Твоя невѣста: ужъ она забыта,
 И слезы ей въ замѣнъ любви остались.
 Я, мать, — что я? день цѣлый сыпа жду,
 Дождусь и вижу только слезы, — всю
 Добычу, что увозишь ты изъ битвы
 Съ самимъ съ собой и волей вѣчной! Что же,
 На это-ли Господь тебя поставилъ?
 Ты утѣшевьемъ быть намъ могъ, а ты...

ДЖУЛІО.

О тяжелы твои упреки! полно,
 Я слышалъ ихъ! Но я теперь рѣшился,
 Рѣшился, я иду, иду учиться...
 Не даромъ въ душу человѣка Богъ
 Кладетъ стремленье къ высшему, не даромъ!
 Что горькою слезой, или утратой,
 Иль жертвой тяжелой покупаемъ мы,
 То намъ дается.... Да, я жертвой тяжелой
 Куплю себѣ талантъ.... я васъ оставляю....
 Рѣшился я, пусти! Благословеньемъ
 Мой трудный путь мнѣ облегчи, а слы
 Богъ дастъ, онъ далъ, онъ во мнѣ, со мной!
 Иначе, отчего - бы эти слезы,
 И трепеть сердца, и тотъ жаръ святой,
 Которымъ грудь моя горитъ? О мать,
 Благослови прекрасный подвигъ мой!
 Ты крѣпче сына обожмишь, свѣтлѣе
 Твой будетъ ликъ, когда чело вѣнкомъ
 Увитое, какъ предъ святыней,

Передъ тобой повикнетъ, и теплѣе
Твоя мольба на небеса тогда
Взойдетъ, когда межъ свѣтлыми звѣздами
Блеснетъ своимъ яркими лучами
Сыновней славы вѣчная звѣзда!

КОРНЕЛІЯ.

О заблужденъе горькое!

ДЖУЛІО.

О мать,

Мать, добрый другъ! Не отнимай у сына
Того, что небомъ суждено! Меня
Тебѣ съ высокой мыслью дало небо:
Не здѣсь твой сынъ былъ осужденъ влачить
Безцвѣтные томленья дни, — онъ выше
Назначенъ, да, и сны ему не даромъ
Даютъ чудесныя видѣнья. Въ часъ ночной
Недаромъ въ блѣдномъ мѣсяца сіяньи
Являются таинственныя тѣни
И вѣютъ крыльями; не даромъ мнѣ
Волнами море, будто головами
Знакомыхъ мнѣ духовъ, киваетъ.... Часто
На облакахъ строй воинства парить
И мнится, будто слышно мнѣ бряцанье
Ихъ свѣтлыхъ латъ, ихъ острыхъ копій.... Нѣтъ,
Не даромъ вѣщія видѣнья! Нѣтъ,
Нѣтъ, сбудется чудесное мечтанье!

КОРНЕЛІЯ.

Не сбудется, не сбыточно оно!...
Ты говоришь — въ таинственныхъ видѣньяхъ
Тебѣ понятенъ міръ другой, — но, что-жь,
На землю могъ ли ты призвать его?
Ты видѣлъ — что же на покорный холстъ
Не перенесъ его, о милый сынъ?
Что не дано, то недостижимо! Тщетно
Ты будешь биться, плакать, изнывать.
Ты будешь биться съ рокомъ. Не хотѣлъ
Тебѣ Всевышній, для осуществленья
Восторженныхъ видѣній, силу дать,
Которую даетъ другимъ. Онъ для другаго
Тебя назначилъ.... Всѣ труды, ученье
Напрасны будутъ.... Онъ насъ поравнялъ,
Насъ бѣдныхъ смертныхъ; Онъ однимъ далъ — волю,

Другимъ для исполненья — силы; будь доволенъ,
Тебѣ великое еще осталось дѣло:
Ты можешь счастье намъ создать; въ видѣньяхъ
Тебѣ, мой сынъ, являлось - ли оно?

Джуліо.

О матушка!... Но есть они, счастливыцѣ,
Которымъ все возможно; — что задумалъ,
То сдѣлано....

Корнелія.

Избранники небесъ?

Ты хочешь быть избранникомъ?

Джуліо.

Такъ что-же?

Они такіе-жъ люди? Можетъ быть
И больше у меня есть вдохновенья....

Корнелія.

Прости меня, я, Джульо, мать твоя,
Могу сказать, — ты примешь безъ обиды, —
Когда жъ они, избранники небесъ,
Ночь проведя въ чудесномъ созерцаньи,
На утро упали духомъ такъ,
Какъ ты? Когда простая вещь, рука,
Ракурсъ какой вибуди, одежды складка,
Въ отчаянье ихъ приводили? Гдѣ
Слыхалъ ты, чтобы восторженный художникъ
Въ безсиліи своемъ самъ создавался?...
Ты создавался, сынъ мой. Сколько разъ
Съ рыданіемъ, горячими слезами
Ты обливалъ палитру, восклицая:
Не то, не то!

Джуліо.

О, я хочу учиться!

Я выучусь, возможно все труду!

Корнелія.

Учиться? Но не ты-ль простымъ ученьемъ
Пренебрегалъ? Не я-ли, мать твоя,
Тебѣ о мужествѣ, трудѣ твердила?
Сынъ, время не догонишь! Поздно сынъ
Учиться дѣтски, когда сердце гордо
Мечтаетъ быть творцемъ!

Джуліо.

Но развѣ дѣтски

Учиться я хочу? Хочу я видѣть,
 Что до меня великаго создали
 Подобные мнѣ люди; я изъ ихъ
 Трудовъ самъ почерпну и силы, жатву
 Сберу съ полей широкихъ ихъ науки.
 Я только ихъ по слуху знаю, эти
 Мучительно-живыя имена:
 Доминикано, Развэль, и тотъ
 Великій, чья сіяющая слава
 Взошла намъ новымъ свѣтомъ, будто день
 Надъ полночью.... Мать, я его увижу!
 Наплачусь предъ живыми образцами,
 Во прахъ повергнуусь передъ нимъ, великимъ,
 Чтобъ научилъ, чтобъ указалъ....

КОРНЕЛІЯ.

И онъ

Съ улыбкою на дѣтское маранье
 Укажетъ, съ смѣхомъ. ..

ДЖУЛІО.

Матушка!

КОРНЕЛІЯ.

А ты,

Предъ образомъ чудеснымъ, славой Бога
 Въ дѣяньи чловѣка отраженной,
 Какъ громомъ въ прахъ низринутый, мой сынъ,
 Погибнешь отъ ужаснаго сознанья
 Ничтожества....

ДЖУЛІО.

О матушка!

(Послѣ минутнаго молчанія, рѣшительно.)

Пусти,

Пусти меня! Господь ко мнѣ взываетъ,
 То гласъ Его.... На горе-ли, на смерть
 Зоветь онъ, по я слышу, будто трубный
 Призывъ послѣдняго суда!... Зоветь!...
 Благослови, о мать, твой сынъ рѣшился —
 И замысла никто не переменить;
 Благослови, и крѣпкою молитвой
 Утѣшь меня.... Но измѣни свой судъ,
 Свой приговоръ.... О мать, онъ мнѣ проклятье!
 О, не губи напрасно упованья

Чудеснаго.... Скажи одво лишь слово:
 «Надѣйся!...»

КОРНЕЛІЯ.

Нѣтъ, молись, и кротко, чисто,
 Какъ тихое днтя, молись Тому,
 Чей голосъ мнишь ты слышать.... Милый сынъ,
 Ты хочешь взяться за святое дѣло,
 А суетенъ твой помыслъ — слава, слава!

ДЖУЛІО.

Благослови!

КОРНЕЛІЯ.

Иди, Господь съ тобою.

ДЖУЛІО.

Сейчасъ-же въ путь! — Тереза, ангелъ мой,
 Приими мое прощанье, — не па вѣкъ,
 Но до поры, когда передъ тобой
 Явлюсь опять, веселый и безпечный,
 Покойный сердцемъ.... Милая, въ слезахъ
 Дай поцѣлуй мнѣ, радостнаго дня
 Дождемся мы, — слеза въ твоихъ очахъ
 Не та блеснетъ....

ТЕРЕЗА.

Ты не любилъ меня!

II.

Ночь. Скала надъ моремъ, вблизи хижина.

ДЖУЛІО.

Природа, первый мой привѣтъ тебѣ! Тебѣ,
 Чей огненный символъ — перуцъ — на пещѣ
 Чертитъ свой прихотливый знакъ! Тебѣ,
 Чей образъ, океанъ безбрежно бурный,
 Теперь кипитъ персдо мной! Тебѣ,
 Чье слышится дыханье мнѣ въ порывахъ
 Грозы шумящей! мой привѣтъ тебѣ!
 Не связать я, къ свободнымъ небесамъ
 Скорѣй направлю крылья, — вольной птицѣ
 Весь міръ открыть.

Цѣною дорогой

Купилъ я первый мой восторгъ!

Еще я слышу матери рыдзнье,
 Ея прывывъ послѣдвй — слышу, слышу. —
 Но вздоха нѣтъ, слезы нѣтъ ни одной!...

—
 Ночь темна;

Темна тому, кого земные очи
 Одни отверсты; для очей души
 Сіяеть въ мракѣ свѣтъ нетлѣвный неба.
 Инаго бы страшила эта бездна,
 Что у подошвы этихъ скалъ рокочетъ,
 Инаго бы страшило, что скала,
 Мое подножье, отъ прибоя волвъ
 Трепещеть, какъ испуганный младенецъ;
 Онъ испугался бѣ этихъ воплей бури,
 Я не боюсь. Передо мной разгнута
 Великая странница квинт жизни,
 Огнемъ она начертана во мракѣ,
 Я въ ней читаю Божью славу....

—
 Нѣтъ крова у меня; стезею трудной
 Я достигаю цѣли. Какъ скиталець,
 Просвь я долженъ крова у людей,
 Чужихъ по крови и по сердцу. Горько,
 Но такъ должно быть. Въ нашемъ мрѣ все
 Такъ начинается. Съ слезой вступаемъ
 Мы въ мрѣ, гдѣ счастье насъ ждетъ.

—
 Тамъ люди, и живутъ! Скорѣ къ нимъ,
 Меня они допустятъ, обогрѣютъ;
 Иль можетъ быть прогонять. — Что жъ? такъ должно!

—
 Я прежде загляну, какіе люди.
 Начто напрасно ихъ вводить въ соблазнъ
 Мовмъ приходомъ.... Бѣдность искустель
 Великій, жизнью можно за ночлегъ
 Съ ней расплатиться....

Я несправедливъ!

Но если и несправедливъ, зачѣмъ
 Ихъ заставлять напрасно колебаться

Между желаніемъ помочь и страхомъ,
 Что дорого мнѣ станетъ гость.... Взгляну,
 Что за люди.

(Приближается къ жизни и смотритъ въ окно.)

Старикъ съдой, читаетъ

Какую-то разложенную книгу;
 Старуха за работой, у огня
 Кудрявый мальчикъ чинитъ сѣти; блже
 За прялкой дѣвушка.... То рыбаки.
 Вотъ жизнь! несчастные или счастливы, —
 Какъ ихъ назвать? Въ невѣдены они
 Существованья, не подозрѣваютъ
 Другихъ занятій; даже мысль у нихъ,
 Мысль, огнь небесный, гаснетъ отъ бездѣлья....
 Я къ нимъ войду.

голосъ старика (изъ окна)

Смиряй себя, вознесется....

(Джулио стучится.)

—

III.

Зала художественной выставки. Въ толпѣ народа **ДЖУЛИО**.

ДЖУЛИО.

Одинъ въ толпѣ я, одинокъ и въ мірѣ;
 Родные звуки слышу, а родныхъ
 Не слышу словъ!... Толпа меня забыла,
 Я ей не нуженъ....

Горько быть чужимъ

Между людьми, но такъ судьба велѣла!
 Что нужды? я забыть, нль можетъ, странень
 Кажусь другимъ, тѣмъ лучше! Пусть они
 Не привыкаютъ почитать своимъ
 Того, кто выше ихъ воззатъ стремится;
 Пусть не равняются они со мной;
 Въ минуту торжества они готовятъ
 Мнѣ лишнюю минуту удивленья....

—

Но что-жъ они такъ долго медлятъ? Что-жъ
 Завѣтный другъ моихъ ночей бессонныхъ

Мой трудъ восторженный и зрѣлый
 Еще вокругъ себя ихъ не сбпраетъ?...
 Что-жъ, подожду! я сладость торжества
 Въ предчувствіи заранѣе вкушаю,
 Помедлить можно,...

Но, въ который разъ?

Въ который разъ, я труженникъ печальный
 На судъ толпы стогласной предстою?
 Въ который разъ мученье ожидаю
 Я повторяю!... Адское мученье!
 Нѣтъ никого!

О, права ты была

Мать бѣдная, когда молила сына
 Не оставлять тебя!...

Пять тяжкихъ лѣтъ

Все неудачъ и неудачъ.... Терпѣнье
 Не выдержать....

Прости мнѣ, Боже мой,

Мои слова, я предъ тобой виновецъ
 Прости мнѣ, гений мой, мои слова,
 Я усомнился въ помощи твоей!
 Что-жъ, что не въ первый разъ я предстою
 На этотъ судъ, что-жъ, что я всякій разъ
 Изъ этого суда неумолимый,
 Презрительный, жестокий приговоръ,
 Поникнувъ головою, уносилъ....
 Всему конецъ быть долженъ, не напрасно
 Я чувствовалъ призваніе свое....
 Уже-ль то было только заблужденіе
 Иль прихоть юноши?... Нѣтъ, нѣтъ, я мужъ,
 Я не дитя, не юноша, я силенъ
 И вынесу.... нѣтъ, презрю приговоръ....
 Онъ не убьетъ меня.... я имъ не вѣрю....

Что это! Говоръ похвалы... отсюда.
 Гдѣ... гдѣ моя.... ужели! Наконецъ
 Ты мой, златой вѣнецъ, вѣнецъ лавровый....
 Нѣтъ никого....

Да что-жъ они глядятъ?

Предъ чѣмъ толпятся, и о чемъ толкуютъ?
 Какой восторгъ!... Тамъ и моя картина....

Они ее сейчасъ замѣтятъ.... спросятъ
Объ имени художника.... Опять!

Чего-жъ кричатъ они? Что тамъ за чудо?

(Двое художниковъ отдѣляются отъ толпы.)

ПЕРВЫЙ.

Ты слышалъ?

ВТОРОЙ.

Какъ-же, слышалъ. Вотъ счастливецъ!

ПЕРВЫЙ.

Я самъ тамъ былъ. При всѣхъ, его учитель
Поздравилъ, обнялъ.... Славно въ эти годы
Себѣ составить имя....

ВТОРОЙ.

И какое!

ПЕРВЫЙ.

«Онъ далеко пойдетъ, сказалъ великій;
«Его картина — первая страница
«Прекрасной книги; онъ ее напишетъ,
«Напишетъ всю, достало-бъ только жизни
«На вдохновенье и на трудъ....»

ВТОРОЙ.

Какъ будто,

Жизнь тратится на вдохновенье!

ПЕРВЫЙ.

Какъ же,

Оно огонь, сжигаетъ.

ВТОРОЙ.

Нашъ учитель

Живое доказательство тому,
Что это правило неправда.

ПЕРВЫЙ.

Да, но онъ

Не то, что мы и миллионъ другихъ;
Намъ можно-ли равняться съ нимъ? ему
Доступно все, что ни замыслить; слово
Одно поспѣть лишь можетъ за полетомъ
Могучей кисти. Ты вдалѣ, какъ онъ
Работаетъ, такъ что-жъ и говорить.

ВТОРОЙ.

Непостижимо! — Но пойдемъ туда
Гдѣ наше чудо новое; смотри,
Тамъ собралась толпа. Миѣ любопытно

Послушать, какъ тамъ судятъ.

первый.

Что тамъ судятъ

Онъ разъ сказалъ, и кончено.

второй.

Пойдемъ.

первый.

Нѣтъ, подожди.... Что это за чудакъ,
Смотри, вотъ тамъ. Онъ смотритъ на картины,
А больше, кажется, насъ слушаетъ.

второй.

Онъ вѣрно

Не здѣшній.

первый

И художникъ....

джулио (подходить).

Это правда,

То и другое. Вы меня простите,
Я слышалъ, что вы говорили. Много
Словъ вашихъ мнѣ на сердцѣ залегло....
Вы говорили, новую картину,
Которой тамъ дивятся, создалъ вашъ
Товарищъ, ученикъ ?...

второй художникъ.

Да.

джулио.

Онъ счастливецъ !

Какъ юноша добился онъ того,
О чемъ напрасно плачутъ старцы — славы!

первый художникъ.

Не онъ добился, Богъ далъ. Правда, трудъ
Ученья взялъ охотно онъ, старался,
Трудился, ночи проводилъ безъ сна
Предъ образцами, не пренебрегалъ
Малѣйшею отдѣлкой и учился,
Какъ робкое, покорное дитя,
Не довѣряясь вдохновенью, но
Ипчѣмъ-бы не былъ онъ, когда-бы свѣше
Отмѣченъ не былъ....

Вы видѣли его ?

джулио.

Нѣтъ. Постараюсь видѣть въ мастерской,

Въ его святнищѣ.

ВТОРОЙ ХУДОЖНИКЪ.

Вы не добьетесь!

Я, ученикъ его, тамъ не бывалъ;
Вотъ, онъ вамъ скажетъ.... Разъ ему случилось
Тамъ быть.... Великій самъ его позовалъ....
Ну, расскажи.

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Покуда сердце бьется

И жизнь горитъ во мнѣ, я буду помнить
Тотъ часъ короткій... Сами вы художникъ,
И понимаете меня... Мы братья?

ДЖУЛІО.

Да, говорите.... (Тамъ нѣту никого!...)

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИКЪ.

Онъ былъ доволенъ мною, наградитъ
Хотѣлъ ученика и растворилъ ему
Всѣмъ недоступное святнище; орленку
Хотѣлъ онъ солнце показать, и точно,
Я видѣлъ небо!...

Миръ былъ предо мной,

Струилось небо синими волнами,
Сіяли горы, зелень и цвѣты,
Все свѣтлое, какъ въ утро мірозданья.
И я дивился.... Вдругъ передо мной
Явились люди, люди, и живые,
И вѣяли ихъ волосы, пхъ груди
Дышала, слышны были ихъ шаги,
Оружье ихъ звенѣло.... Жаръ дыханья
Вдохнулъ мнѣ чувства ихъ; я самъ готовъ былъ
Въ ту битву броситься, что на стѣпѣ,
На полотнѣ бездушномъ совершалась....

Тамъ конь и всадникъ есть; поверженъ конь,

А всадникъ выбивается, и чудво

Такъ кажется, что вмѣстѣ съ нимъ встаетъ

Надежда на побѣду и побѣда!...

Тамъ юноша; онъ слышитъ зовъ трубы

И рвется въ битву, рвется... мать въ слезахъ

Его схватила, держитъ, — а старушка,

Безпльное несчастное творенье,

Какъ будто понимая неизбежность

Кончины, потому что къ ней самой

Уже близка кончина, будто зная,
 Что ей мольбой не удержать его,
 Отчаянно покорна, шлетъ ему
 Свое благословенье... Сердцу страшно;
 Схватилъ бы самъ и удержалъ безумца!
 Смерть въ столькихъ образахъ! ужасный бой,
 Гдѣ съ жизнью смерть въ объятья обхватилась
 И борятся.... Но какъ отрада въ горѣ,
 Какъ утѣшитель ангелъ въ часъ кончины,
 Такъ хороша тамъ дѣвушка; она
 Пить двухъ равеныхъ... ужасны лица,
 Земля и небо!...

джулио (не слушая продолжаетъ
 смотрѣть на свою картину).

Тамъ пѣтъ ни души,

Идутъ все дальше!...

первый художникъ.

Онъ передо мною

И свѣтъ и жизнь изъ праха вызывалъ;
 Холодный холстъ сіялъ, горѣли краски,
 Онъ создавалъ... Что, лишь одно мгновенье
 Назадъ, смѣшеніемъ туманнымъ было
 Однихъ тѣней безцвѣтныхъ, какъ хаосъ,
 Живыхъ существъ рождало, облекалось
 Живою плотью... О, что со мною было,
 Не вѣдаю, и долго ль я стоялъ
 Нѣмой предъ чудомъ, безъ движенія, — я
 Не помню.... Онъ тогда позвалъ меня;
 Могучій духъ могучимъ словомъ вывелъ
 Изъ огненныхъ своихъ круговъ того,
 Кто потеряться въ нихъ готовъ былъ....
 Я только рабъ былъ и поклонникъ; сладко
 Повергнуться предъ дивнымъ! Въ ту минуту
 Я не мечталъ творить, мечталъ молиться
 Величію несмѣтному Творца,
 Которое надъ смертнымъ возсіяло,
 И на челѣ высокомъ и кудрявомъ
 Его поклонюсь....

второй художникъ.

Ты, другъ, забылся.

Твой слушатель исчезъ давно; въ слезахъ
 Онъ убѣжалъ отсюда и теперь

Не онъ, — толпа твой слушатель. Пойдемъ,
 первый художникъ.
 Я не пойду съ тобой. Иду работать.

IV.

МАСТЕРСКАЯ.

Джуліо (у окна).

Блестящій сводъ, очамъ въ слезахъ открытый,
 Ты утѣшитель. Звѣдныя міры,
 Вы перлы свѣтлаго Господняго вѣща,
 И имъ опъ, насъ плачущихъ дѣтей,
 Во тмѣ полночи утѣшаетъ. Сладко
 Глядѣтъ на васъ; чудесныя мечты
 Вы зажигаеае холодными лучами!...
 Вотъ въ полусвѣтѣ зыблятея лпсты
 Деревьевъ, вѣтеръ трепетно крылами
 Взмахнулъ, спорхнулъ изъ горней высоты,
 Улегся, спить....

Въ полмѣрѣ, можетъ быть,
 Лишь я одинъ не сплю.

Случалось прежде

Не спать мнѣ также, и не жать зарп...
 А пшь!...

Сознаюсь, я жду, жду утра!

Жду свѣтлаго разсвѣта, — не глазамъ
 Мнѣ опъ нуженъ: лучше въ тмѣ ночью
 И слезы спрячутся, и на щекахъ
 Жарь горькаго стыда сойдеаъ незримо...
 Я дня для сердца жду...

Бывало прежде

Ночь тихая видѣнья мнѣ несеть,
 И счастье крылатымъ херувимомъ
 Во всей красѣ порхаеаъ предо мной,
 Въ такой красѣ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ
 Слетѣлъ опъ съ вѣстью радости ко мнѣ
 Живою отъ вѣчнаго престола...

Было-ль это?...

Я, помнится, впадалъ его когда-то...
 Безумецъ! — точно, я хотѣлъ схватить

Небесное, эфиръ, огонь чистѣйшій,
И начертать воть здѣсь!...

Онъ разорвалъ
Земную цѣпь, чѣмъ я хотѣлъ опутать
Его прозрачныя лазуревыя крыла
И улетѣлъ....

Но что-жъ онъ здѣсь оставилъ?...
—

О Боже мой, чѣмъ заслужилъ я это?
За пяти-лѣтній трудъ награда гдѣ-же?
И точно-ли напрасенъ былъ мой трудъ?
Въ который разъ еще на смѣхъ людей
Предстать и правду страшную услышать?...
И правду-ли? И что они такое,
Что смѣютъ и сулить и осуждать?
Они вѣдь люди.... Люди не видали
Мояхъ видѣній чудныхъ....

Скоро утро.

Исчезли звѣзды. Здѣсь ужъ такъ свѣтло,
Что разсмотрѣть предметы можно. Я
Взгляну на моего небеснаго. Я знаю,
Когда-бъ и темно было, темвоту
Разгонитъ онъ своимъ сіяньемъ.

(Открываетъ картину, стоящую на станкѣ.)

Вотъ онъ!

(Поворачиваетъ картину къ свѣту и долго глядитъ на нее.)

Они — сказали: поворотъ лица
Неправильнъ.... изыскано движенье....
Безъ выраженья взоръ.... Онъ такъ глядѣлъ!...
Нѣтъ, онъ глядѣлъ не такъ, когда явился,
Но взоръ его горѣлъ такимъ огнемъ,
Что я не взоръ, а только пламя видѣлъ —
А пламя кто напишетъ?

О безумецъ!

Зачѣмъ же браться?... О, зачѣмъ, зачѣмъ,
Кто мнѣ велѣлъ?..

(Разсвѣтаетъ.)

А, вотъ оно, вотъ утро,
Вотъ солнце!... Ну, добро пожаловать, сюда!
Свѣти, земное утро, освѣщай
Того, кто съ неба сброшенъ прямо въ пропасть
И головой о камень!...

Безъ вниманья
 Пройти сначала, а потомъ спокойно
 Все оглядѣть, и все, безъ состраданья,
 Все осудить....

Бездарный!...

Судъ людской,

Ты правъ иль нѣтъ, — но все ты разрушитель!

Не прошуми ты мнѣ надъ головой

Свой приговоръ, я можетъ быть еще бы

Не мучился, не осудилъ-бы самъ

Свое любимое дитя, свое творенье,

Я можетъ быть по прежнему-бы чудомъ

Его считалъ.... Теперь, едва взгляну,

Не свѣтлый ликъ я вижу, — судъ холодный

Толпы, зѣвакъ... и все кричатъ, кричатъ,

То дурно, это дурно... нѣтъ таланта!...

Предъ этой пыткой даже смерть

Ничто, забава!...

(Разрываетъ картину.)

Вотъ смерть, вотъ, вотъ она...

—

V.

Сельскій видъ, вечеръ.

Джулио.

Какъ послѣ долгихъ дней во тмѣ тюрьмы,

На хладномъ кампѣ проведенныхъ, сладко

Увидѣть снова свѣтъ и красоту,

И землю, и цвѣты полей, такъ сладко

Увидѣть васъ, луга, поля родные!

Съ одежды пыль чужбины отряхнуть,

Поставить посохъ у порога, слезы

Излить на грудь родную — это счастье,

Мнѣ говорили, но не для меня!

Заблудшій сынъ, изгнанникъ, безъ отрады

На родину я снова прихожу;

Здѣсь все не то. Мнѣ прежде были милы

И темный склопъ родныхъ моихъ оливокъ,

И аромат струистый померанцевъ,

И голубое море, и павѣсь

Той хижины, гдѣ взросъ я.... Теперь — не то!

Я разлюбилъ ихъ. Сердце бьется грустью,

Не полной радостью возврата.

Я создалъ

Себѣ свой край чудесный и роднымъ

Его себѣ по сердцу сдѣлалъ. Въ немъ,

Въ лучахъ его свѣтилъ, какъ пылъ въ лучахъ

Земного солнца, я кружился, пылъ

Дыханіе его цвѣтовъ петлѣнныхъ,

Изъ ихъ свивалъ себѣ вѣнецъ огнистый

И украшалъ въ мечтаньи нлѣ свою

Мечтательную голову.... Безумьемъ

Назвали люди этотъ вымысль.... сердце

Въ немъ жило, жило!... Для чего оно,

Со всѣмъ земнымъ развѣдываясь на вѣки,

Оставило себѣ лишь слухъ земной

Къ земнымъ рѣчамъ?... Какъ пухъ отъ дуновенья

Ребенка, какъ свѣжика отъ огня

Весны — отъ говора людей распался

Мои мечтанія....

Но силу вопи

Не побѣдить бы говору людскому, —

Мой міръ былъ цѣль, хоть блескъ его изчезъ;—

Зачѣмъ у сердца чуждаго людей,

Счастливаго въ себѣ самомъ, осталось

Горчайшее изъ всѣхъ чувствъ чловѣка —

Сознаніе?...

Оно все погубило!

Я прозрѣлъ, я позналъ себя, я самъ

Последній, тяжкій молота ударъ

Нанесъ мной созданному міру, — храму,

Гдѣ больше не свѣтилось ужъ огнемъ....

Храмъ дрогнулъ, палъ.... Зачѣмъ въ своихъ обломкахъ

Не схоронилъ опъ дерзкаго, того,

Кто создавалъ его? Вся сила жизни

Сосредоточилась въ одной завѣтной мысли, —

Распалась мысль, а жизнь какъ устояла?

Зачѣмъ она осталась?...

Домъ родной,

Вотъ ты, на скатѣ спяго холма,

И такъ же въ свѣтломъ солнечномъ закатѣ

Горятъ твои окошки, также вьются,

Щебечуть птички надъ твоею кровлей,
 И такъ-же вѣтъ яворъ у порога,
 И такъ-же блѣдный цвѣтъ ночной, въ тиши,
 Благоухаетъ подъ навѣсомъ мирта,
 Все такъ-же, какъ и было!... Гдѣ-же ты,
 О радость сердца, ты, чѣмъ трепетало
 Оно, когда ребенокъ, я спѣшилъ
 Въ часъ вечера туда, къ моей родной,
 Спѣшилъ, бѣжалъ, какъ будто мнѣ хотѣлось,
 Чтобъ солнца лучъ излезнуть не успѣлъ,
 Не освѣтивъ еще лобзаній нашихъ?
 А вы, восторги юноши, когда
 Моя певѣста, прежняя подруга
 Забавъ и гръ, съ улыбкою встрѣчала
 Меня, любимца сердца у порога,
 Гдѣ вы?... Стремясь за лавровымъ вѣнкомъ,
 Я затопталъ цвѣтокъ любви прекрасный, —
 И кто теперь его съ земли подниметъ
 И освѣтитъ?...

Создатель, о Создатель!

Дай мнѣ опять привычку къ тихой жизни,
 Безъ прежнихъ грезъ, безъ прежняго волненья,
 То благо, что безумный я отвергъ!
 Печаль есть въ сердцѣ, — а печаль дая!
 Она привыкаетъ скоро; ей нужна лишь
 Одна любовь! — дай мнѣ ее найти!...

—

А ихъ любовь была всесплына. Часто
 Она мои порывы укрощала
 И примиряла съ неудачей. Часто
 Отъ поцѣлуевъ высыхали слезы,
 Которыхъ-бы весь міръ не осушилъ!
 О, я опять прозпкпу въ это моно
 Святой любви, — я выплачу предъ ними
 Мое безумье, — а опѣ простятъ,
 Опѣ меня не назовутъ бездарнымъ
 И гордости моей не оскорбятъ, —
 Изъ устъ, гдѣ спятъ и ласка и улыбка,
 И поцѣлуй, упрекъ не приметитъ!
 Опѣ меня къ землѣ опять приучатъ,

Я на землѣ вновь міръ себѣ создамъ,
 Но не холодный, строгій міръ искусства,
 А міръ любви и свѣтлый, и живой,
 Я буду счастливъ!...

Нѣсколько мипуть,

И я паду въ объятія ихъ; слезами
 Я встрѣчу счастье, снова въ міръ войду,
 Какъ тихое дитя, — опять на руки
 И на заботы матери любимой....

Я испугаю ихъ, когда войду.
 Печданнымъ счастьемъ опечалить можно.
 Я распрошу о нихъ; вотъ очень кстати
 Старикъ. Онъ мнѣ знакомъ. Я помню
 Всѣ лица всѣхъ моихъ сосѣдей прежнихъ;
 Могильщикъ, онъ идетъ сюда....

Мой путь

Лежалъ черезъ кладбище; я-же грѣшный,
 И не подумалъ помолиться. Здѣсь
 Лежитъ моихъ родныхъ довольно.

Боже!

Дай мнѣ прожить такъ тихо какъ они,
 И какъ они здѣсь лечь, а ихъ, усопшихъ,
 Не позабудь во царствіи Твоемъ!... *(Подходитъ къ старику.)*
 Другъ, добрый вечеръ.

СТАРИКЪ.

Добрый вечеръ. Вѣрно

Издалека?

ДЖУЛІО.

На родиву иду.

СТАРИКЪ.

А далеко-ли?

ДЖУЛІО.

Нѣтъ, мой путь не дологъ;

До ближняго селенія, и здѣсь....

Я многихъ знаю, — такъ хотѣлъ узнать

О нихъ....

СТАРИКЪ.

А, ты давно здѣсь вѣрно не былъ?

ДЖУЛІО.

Лѣтъ пять. А все, Антоніо, тебя

Въ лицо узпалъ. Ты все такой же свѣжій,
Веселый, какъ и былъ....

СТАРИКЪ.

Вотъ чудо, — что-же я

Тебя не помню?

ДЖУЛИО.

Память измѣнила

Тебѣ, нѣ измѣнился самъ я; что-же дѣлать?...
(Вотъ странность, — я не знаю, какъ начать!...)

Скажи, старикъ, что всѣ у васъ какъ прежде
Живутъ?... Здѣсь, помнится, была красотка, —
Терезой звали, — что она?...

СТАРИКЪ.

Она?...

О первой ты о ней спросилъ, не даромъ,

Она была красавица.—Давно

Ужъ замужемъ и счастлива.

ДЖУЛИО.

Давно?...

СТАРИКЪ.

Да будетъ тоже лѣтъ тому пятокъ.

Ты зналъ ее, такъ стало быть и слышалъ

Что у нея безумный былъ жепихъ;

Ее оставилъ, самъ ушелъ, — куда,

Про то Богъ знаетъ. Видишь, грѣхъ попуталъ,

Хотѣлъ попасть въ художники....

ДЖУЛИО.

Ну, онъ

Ее оставилъ, это слышалъ я.

Она.... Неужли скоро такъ забыла

Того, кому обручена была?

СТАРИКЪ.

Ты мнѣ смѣшонъ. Она въ семнадцать лѣтъ

Красавица, — и помнитъ о безумномъ?

Да стоилъ-ли онъ памяти? онъ мать

Одну оставилъ, бросилъ; та въ тоскѣ,

Ждала, и долго, долго все ждала,

Все плакала одна и горевала,

И всякій день до вечера съ утра

Съ дороги глазъ не отводила.... Горько

Имѣть одно дитя, когда оно въ душѣ

Не любитъ насъ....

Отд. I.

ДЖУЛИО.

Не любить!...

СТАРИКЪ.

Да, не любить.

Любилъ-ли онъ ее, когда безъ слезъ
Ее оставилъ и въ пять лѣтъ не вспомнилъ?
Господь надъ нею сжался, ее
Позвалъ къ себѣ....

ДЖУЛИО.

Что ты сказалъ? она....

СТАРИКЪ.

Она скончалась; вотъ ея могила.

ДЖУЛИО.

О матушка!... прости! Твой сынъ виновецъ!

=